

Едва Ли Инчунь и Пятый принц переступили порог Сада камелий и Фэнцзи помогла господину Ли заменить уличный плащ на подбитую мехом домашнюю накидку, в саду появился молодой господин Фэн. Выглядел он в равной степени смущенным и взволнованным, словно человек, который только и дожидается, пока его кто-то спросит о произошедшем. Впрочем, подобные тонкости Фэн Жуну всегда были чужды.

Он спокойно прошел во внутренние комнаты, на ходу небрежно потрепав по голове Дами, замершего на руках господина Ли. Котенок тут же отряхнул голову и принялся вылизываться: несмотря на то, что нашли его в луже грязи, теперь, нежась на соболином меху, Дами знал себе цену.

— Как прошло расследование? — между тем спросил Фэн Жун, опустившись поближе к жаровне.

— Мы выяснили несколько любопытных вещей, — ответил Пятый принц, который к такой непосредственности друга был приучен. Он тоже прошел в комнату и, так же как молодой господин, погладил Дами: тот попытался ухватиться острыми, словно лезвие клинка, коготками за его ладонь, но Его Высочество ловко убрал руку.

— Самое любопытное в них то, что генерал может и не хотеть искать убийцу, — подхватил Ли Инчунь. — Либо он его уже знает, либо знает, как на него легко выйти — вот и не торопится действовать.

— А все зовут его опорой государства! — возмутился Фэн Жун, которому не нужно было много причин, чтобы бранить Пань Тяня. — Вот тут и проявляется вся его гнилая натура и подлая суть! Уф, как подумаю, что моя Сяолин в руках этого человека!..

От возмущения Фэн Жун подавился и закашлялся: Фэнцзи тут же поспешила к нему с чашкой теплой воды:

— Что же вы, господин, поберегите себя, — взволнованно приговаривала она. — Брани дурных людей не брани — они лучше не станут, а вам нужно позаботиться о здоровье!

— Говоришь обо мне, словно о седом старике, — отмахнулся Фэн Жун, все же насилу уняв приступ кашля. — Но, господин Ли, пусть вы мне это и рассказали, пока вы противостоите ему в этом деле — я спокоен. Если же нужна какая помощь, обязательно спрашивайте!

— Думаешь, что-то от тебя пригодится, пока я рядом? — фыркнул Фу Ичжэнь и Фэн Жун примирительно кивнул:

— Конечно-конечно, в руках Вашего Высочества все ресурсы столицы... Но вы знаете, где меня найти.

Ли Инчуню оставалось лишь усмехнуться этой перебранке. Трудно было в самом деле судить о том, кто богаче и влиятельнее — семья императора, или древний род Фэн, — но когда наследники их работали сообща получалось стоящее зрелище.

Сейчас, однако, один из наследников выглядел смущенным. Фэн Жун всегда в компании друзей был непосредственным и открытым, но теперь отчего-то опустил глаза в пол и нервно перебирал рукав одеяния. Подобное поведение у него было, когда он попросил Ли Инчуня организовать прием для своей сестры и ее мужа — воспоминания о том дне холодом пробежали по спине господина Ли и он предпочел сделать вид, что не замечает состояния Фэн Жуна. Тот, однако, не стал долго молчать.

— Сегодня господин Ли посетил впервые собрание Императора: все ли было хорошо? — издали спросил молодой господин Фэн и Ли Инчунь улыбнулся ему уголками губ.

— Вы ведь и сами там были и все видели. Собрание прошло спокойно. Если бы меня под конец не загрузили работой — вышло бы и вовсе прекрасно.

— Стоит ли сообщить о вашем недовольствии Императору? — с ухмылкой спросил Пятый принц, но никто не обратил на него внимания.

— Кроме этого дела обсуждались многие важные события, грядущие праздники... — продолжал Фэн Жун. — Думал ли... господин Ли о каком-то из них?

Ли Инчунь прищурился, задумавшись лишь на мгновение — и тут же лицо его приобрело усталое выражение. Молодой господин Фэн смотрел на него ожидающе и открыто, но в то же время столь наивно, что сердце господина Ли замирало от неловкости — заслужил ли он подобное доверие? Может ли в самом деле оправдать его? Как так вышло, что человек, с которым они познакомились по чистой случайности, теперь его, Ли Инчуна, почитает устроителем своего личного счастья?..

— Господин Фэн, — строго сказал Ли Инчунь и Фэн Жун опасливо сжал плечи. — Я надеюсь, что ошибаюсь, но вы ведь говорите о праздновании Нового года?

— Именно о нем, — честно, пусть и с долей смущения признался молодой господин.

— И вы заговорили о нем не просто так, — продолжал господин Ли. — Вы желаете на уличные гуляния позвать Первую принцессу, но не знаете, как просить об этом Императора.

— О-о-оу, — протянул Пятый принц, с любопытством переводя взгляд с Ли Инчуна на Фэн Жуна, миловидное лицо которого вдруг смущенно заалело. Молодой господин, однако, твердо ответил:

— Все так. Господин Ли, я поражаюсь тому, как вы догадались! Не учил ли ваш учитель вас чтению чужих мыслей?

Предложение это было глупым, но, словно в самом деле опасаясь чего-то подобного, даос Чжунчу, который подслушивал разговор у дверей внутренних покоев, вжал голову в плечи. Ли Инчунь вздохнул:

— Что за нелепица... — тут же голос его вновь стал строгим. — Кроме того, что сама эта затея глупа, отчего вы решили спросить меня? Полагаться в решении своих дел на других — безответственно.

— Но вам-то я могу довериться! — заверил Фэн Жун со счастливой улыбкой. — Вы помогали мне много раз и всегда все случается так, как вы говорите — как тут не пожелать воспользоваться этим еще более!

— Подобные мысли принято скрывать, — тихо напомнил Пятый принц, который наблюдал за происходящим с интересом, но вмешиваться не спешил.

— Господину Ли я могу сказать правду, — отмахнулся Фэн Жун. — Я в самом деле хотел бы показать Ее Высочеству праздничные гуляния, но чтобы покинуть дворец ей нужно позволение Императора — как бы при случае попросить его? Может, есть какие-то слова или уловки, которые его точно убедят?

— Говорить такое об Императоре... — покачал головой Фу Ичжэнь, а господин Ли задумался. Некоторое время он глядел на ожидающего его ответа Фэн Жуна без всякого выражения, словно прикидывал, что на это можно ответить, и лишь после устало вздохнул.

— Ее Высочеству нельзя покидать стен Запретного города, — наконец сказал он через некоторое время. Дами на руках Ли Инчуня любопытно поднял голову и тихо мяукнул, словно спрашивая о чем-то: господин Ли не глядя погладил его по спине. — Император, однако, любит первую дочь и искренне озабочен ее счастьем. Если при случае молодой господин Фэн предложит ему позволить Ее Высочеству выйти на праздничные гуляния, чтобы она развеялась от духоты стен Запретного города и, кто знает, нашла себе кого-то по сердцу — это может его убедить.

Фэн Жун тут же радостно вскинулся:

— Вот спасибо! Я подумаю, как лучше сказать об этом, и обязательно предложу Императору! Господин Ли, я буду вам обязан!

И, сказав так, Фэн Жун покинул комнату. Ли Инчунь лишь фыркнул:

— Будем считать, что я оплатил свое пребывание здесь.

А Пятый принц лишь ухмыльнулся:

— Ничем хорошим это не кончится.

Так и вышло.

Следующим утром господин Ли не пошел на утреннее заседание: появляться часто ему там не следовало, особенно приходить без результатов, а кроме того прогулка прошлого дня сказалась на слабом здоровье молодого человека — с ночи он мучился небольшим, но изматывающим жаром. К рассвету недуг отступил, но Ли Инчунь все одно отказался от того, чтобы вылезти с протопленного кана, и остался там, листая книги, до самого прихода Юань Яо. Несмотря на нынешнее шаткое, но весомое положение господина Ли при дворе, тот все еще преподавал ему, рассказывал о новых сочинениях, веяниях и новостях столицы.

Увидев Ли Инчуня в постели, Юань Яо, которого Фэнцзи с порога предупредила о дурном самочувствии хозяина и даже попросила уйти, удивленно воскликнул:

— Ты в самом деле лежишь!

— А ты ожидал, что от твоего вида я начну плясать? — не отрывая от книги взгляда, спросил господин Ли. Комната его теперь стала куда более обжитой, полог кровати убран был неопрятными, но очень уютными складками, простыни смялись, словно человек на них полночи возился из стороны в сторону, а на низком столике рядом вместе с посудой от завтрака и лекарств замерли беспорядочные записи и книги. Ли Инчунь не был привередлив в уборке и, пока никого не было рядом, Фэнцзи малодушно ленилась исполнять свои обязанности. Теперь, однако, когда в комнату вошел посторонний, девушка, облаченная в краповую юбку и подбитый мехом жилет, запорхала по комнате, словно последний осенний лист, приводя обстановку в порядок.

Юань Яо опустил на освобожденное ею кресло и покачал головой.

— Будь у меня шанс попасть на прием к Императору — ни за что бы не пропускал ни дня! Что

там легкое недомогание? Если твое лицо не тронут ни ветер, ни иней, как кожа сможет загубеть?!

— Уф, хорошо что напомнил... — пробормотал Ли Инчунь и крикнул возящейся в соседней комнате Фэнци: — Не забудь закрыть везде окна, достаточно уже свежего ветра!

Голос его, когда становился громче, был хриплым и слабым, словно готов был сорваться в любой момент. Кроме того, Юань Яо поежился и от самих слов: в комнате было натоплено, а рядом с постелью Ли Инчуна стояла горящая жаровня — разве не достаточно ему тепла? Но юноша даже сейчас зябко поводил плечами.

Некоторое время молодые люди провели за учебой, но в господине Ли не было обычного прилежания. Он словно тяжело раздумывал о чем-то, или чего-то ждал. Юань Яо думал, что это связано со вчерашней встречей с Императором, но не решался спросить. Пусть они с Ли Инчуном давно были знакомы, учитель Юань знал о приличиях и не стал бы лезть туда, где его не ждали. И все же, он не смог сдержать волнения, когда через время господин Ли вдруг спросил:

— Яо-эр...

— Конечно, я никому не расскажу! — воскликнул Юань Яо, но по выражению лица Ли Инчуна понял, что несколько поторопился, и сдержанно кашлянул. — Да, что такое?

Господин Ли завел речь совсем не о том, чего ожидал учитель Юань:

— Ты ведь такой добряк и редко с кем споришь. Тебе приходилось кому-нибудь мстить?

Юань Яо не ожидал подобного вопроса, но задумался и ответил серьезно:

— Каждый человек рождается с пороками и дурными качествами, и лишь учением их можно искоренить и воспитать. Желать мести для человека естественно, но если желаешь называться человеком, нужно уметь придерживаться добродетелей. Так говорил Великий учитель.

— То есть, никогда даже не помышлял об этом?

— Может, в раннем детстве? — задумался Юань Яо, наморщив лоб. Волосы его были на конфуцианский манер убраны под черную шапочку, но несколько прядей упали на лоб, весь образ делая несерьезным и детским. — Ребенком я не знал добродетелей, потому мог думать плохо о других людях и из-за мелких обид желать им зла, но потом, когда начал учиться, принялся гнать от себя эти мысли. Плохим людям воздастся, я же буду поступать так, как считаю правильным.

Ли Инчунь несколько мгновений смотрел в простое, открытое лицо друга, а после фыркнул и опустил взгляд:

— Удивительно.

— А зачем тебе это? — спросил в ответ Юань Яо. — Неужели у тебя в поместье Фэн завелся недоброжелатель?

— Отчего ты не думаешь, что это я могу желать свести с кем-то счеты?

— Ты не станешь, — махнул рукой Юань Яо и рассмеялся. — Будь ты хоть на тысячную часть

таким же коварным, каким хочешь казаться, и все демоны преисподней охотились бы за тобой.

Ли Инчунь опустил взгляд: возможно, так и казалось со стороны. Юань Яо не был в своих размышлениях не прав — он ведь не видел от господина Ли по-настоящему бесчестных поступков. Тот мог браниться, мог задирать нос и привередничать, себя превознося над другими, но не делал зла людям намеренно — это ли не показатель доброго человека?

Однако, раньше у Ли Инчуня и не было необходимости в этом. Что, если бы судьба его сложилась таким образом, что иного выбора, кроме как творить бесчестные поступки, у него бы не осталось? Хуже того: если бы он жил, думая, что такие поступки — единственно правильные? Остался бы он таким же, в тысячи раз перевирающим свой дурной нрав? Или в самом деле обратился бы тем, кому правильно будет мстить через целую жизнь?

Больше господин Ли не говорил об этом, погрузившись в свои, тяжелые и мрачные, словно воды холодного моря, размышления. Соленые волны тяжестью стискивали его грудь, низким гулом прорывались сквозь сдержанный кашель. У Ли Инчуня слишком мало было знаний, чтобы сделать однозначные выводы, потому, в конечном итоге, поток его мыслей из глубокого моря обращался полноводной рекой, потом — илисты руслом, неприметным ручьем и заканчивался в полном зловонных сомнений болоте.

Несколько часов господин Ли прилежно занимался, а после выпроводил Юань Яо и все же поднялся с постели. Неспешно облачаясь, Ли Инчунь все посматривал на двери своего двора, словно дожидался кого-то. Фэнцзи, помогавшая ему, наконец не выдержала и спросила:

— Господин, вы кого-то ждете? Если хотите, я могу отправить брата Чжунчу к дверям, чтобы он встретил гостя.

— Нет нужды, — ответил господин Ли, оправляя рукава своих одежд. Холодало, потому теперь даже в натопленных комнатах Ли Инчунь ходил в ханьфу из плотной ткани, подбитом мехом и с высоким горлом. Казалось, будь его воля, и он надел бы сверху меховой плащ. — Кроме того, что за «брат Чжунчу»? Разве ты не должна проявлять уважение?

— Он позволил себя так называть, — фыркнула девушка, ничуть не смущенная строгими словами господина Ли. — Сказал, что в цзянху смотрят на уровень сил, а не возраст, потому ему непривычно, что все в Столице обращаются так формально.

— Все равно не зови его так при других, если не хочешь, чтобы тебя посчитали грубиянкой, — с легкой ухмылкой сказал Ли Инчунь. Фэнцзи подняла на него глаза, желая сказать, что не ему переживать о ее репутации — но неожиданно со двора раздалась громкие звуки.

В начале с грохотом раскрылись двери павильона, а после послышались торопливые шаги в сторону главного дома. Фэнцзи слышала голоса, но не могла различить их, а спешка тревожила ее. Но прежде, чем девушка успела пойти посмотреть, что происходит, дверь во внешние покои господина Ли распахнулась и на пороге показался молодой господин поместья. Он тяжело дышал, словно торопился сюда, но на лице его было не волнение или радость, а злость. Быстро осмотрев комнату, он ткнул в Ли Инчуня пальцем:

— Ты! — воскликнул Фэн Жун, не скрывая ярости в тоне. За ним в комнату вошли Куань и Пятый принц: последний сложил руки на груди и прикрыл рот ладонью — то ли желал скрыть улыбку, то ли пытался придать серьезности виду.

— Молодой господин, что случилось?! — воскликнула Фэнцзи, не на шутку встревоженная происходящим.

— Спроси об этом человека рядом с тобой! — сказал Фэн Жун и приблизился. Брови его сурово хмурились, щеки покраснелись, но лоб был бледен от ярости. Ли Инчунь спокойно заметил:

— Видимо, молодой господин слово в слово передал Императору мои наставления?

— Еще как передал! — возмутился Фэн Жун, взбешенный чужим спокойствием. Не имея сил сдерживать бушующий гнев, он принялся ходить взад-вперед. — Его Величество был в ярости! Сказал, что я не должен указывать ему, как воспитывать дочь, а тем более просить за нее! Намекнул даже, что я через Ее Высочество хочу добиться его расположения!

— Он в самом деле был зол, — заметил Пятый принц со странной веселостью, будто вся эта ситуация его лишь радовала. — В какой-то момент даже принялся говорить подобные глупости.

— Глупости или нет, а я не знал, куда себя деть и как оправдаться! Мне целый месяц сказали оставаться дома и переписать своей рукой каноны о благочестии, чтобы вспомнить место чиновника при дворе! Зачем ты это сделал?!

— А что же вы?

— Что я?! — бушевал Фэн Жун. — Из-за ваших слов я получил наказание!

Ли Инчунь вздохнул и сложил ладони у живота, сразу начиная быть похожим на благообразного учителя. Лицо его не выражало эмоций, а голос был строг, потому даже возмущение молодого господина чуть остыло.

— Вы, прежде чем сказать что-то Императору, почему не обдумали это?

— Да я!..

— Именно вы, кто же кроме? Поступили, словно одна из птиц в вашем дворе, — прервал Ли Инчунь. — Конечно, Император зол, вы должны были предвидеть это, зная его так много лет. Его Величество любит свою дочь настолько, что само ее существование стало для него болезненной темой, и любое упоминание о ней, будь то похвала или упрек, его злит. Ее Высочество в своем возрасте до сих пор не имеет мужа и много лет подряд каждый считает своим долгом напомнить Императору об этом. Неужели не заметили, присутствуя на стольких собраниях?

— Я... — растерялся на миг Фэн Жун, но тут же вновь нахмурился. — Это вы предложили мне сказать так!

— И вы мне полностью доверились, за что и получили наказание, — безжалостно сказал господин Ли. — Из врожденной доброты вы приютили меня в своем поместье, разбираетесь с моими проблемами и доверяете дела всей резиденции Фэн — но знаете ли вы обо мне хоть что-то? С чего вы уверены, что я всегда на вашей стороне и стану вам помогать? Вы — хороший человек, но не обязательно все вокруг такие же. Если молодой господин Фэн не начнет думать своей головой, однажды его беспечность обернется чем-то более ужасным, чем месяц домашнего ареста!

Фэн Жун, тяжело дыша, смотрел прямо на господина Ли, пытаясь придумать достойный ответ. Как и всегда слова Ли Инчуня были убедительны, но жгучая обида и стыд от прошедшего заседания все еще разъедали душу молодого господина, заставляя его бессильно сжимать кулаки. На кончике языка вертелись ругательства и попрекания всеми благами, что он дал господину Ли, но Фэн Жун не мог заставить себя выплюнуть что-то грязное.

Наконец он, поджав губы, воскликнул:

— Конечно, вы правы! Упивайтесь своей правотой, сколько вздумается! — и так же стремительно, как и вошел, покинул комнату. Фэнцзи, не глядя на Ли Инчуня, поспешила за ним со встревоженным выражением лица, Куань молча отправился следом, и в комнате остался лишь господин Ли, Пятый принц, и любопытно подслушивающие под дверьми даосы.

Ли Инчунь выглядел уверенным в своих словах и поступках, но плечи его, когда Фэн Жун ушел, печально опустились. С улицы сквозь распахнутую дверь в натопленную комнату проникал холодный воздух, и от его ли небрежных пальцев, или от легкого стыда, скулы господина Ли заалели. Выражение лица юноши было упрямым, но руки оставались до побелевших костяшек сжаты.

Пятый принц, усмехнувшись этому в душе, закрыл дверь и небрежно бросил:

— Лучше тебе не стоять на холоде, а то снова поднимется жар.

Ли Инчунь бросил на него цепкий взгляд, словно ожидающий нападения — но Фу Ичжэнь ничего резкого не сказал, и юноше пришлось кивнуть. Он молча отошел к столу, куда Фэнцзи успела к обеду вынести чай и несколько закусок, и спокойно уселся, словно ничего сейчас не произошло. Пятый принц сел тоже, пальцами подцепив из маленькой пиалы кусочек овоща на палу и ловко забросив его себе в рот.

Господин Ли скривился:

— Вы же принц, соблюдайте приличия.

— А что, хочешь кому-то пожаловаться? — ухмыльнулся Фу Ичжэнь. — Кому?

Ли Инчунь упрямо нахмурился:

— Я поступил правильно, и вы тоже так считаете. Если не напомнить нашему молодому господину о том, как коварен этот мир, он совсем забудется.

Пятый принц что-то неразборчиво фыркнул, забрасывая в рот новый кусочек закуски. Господин Ли продолжал:

— Чего он от меня хотел? Чтобы я был до смерти ему благодарен? Не бывает ничего вечного, ни верности, ни дружбы. Да и с кем водить дружбу — со мной? Он ведь спас меня лишь от того, что желал испортить дела хоу, почему теперь считает, что я его верный соратник? — Ли Инчунь покачал головой. — Ему нужно испытать что-то подобное, чтобы наконец вырасти.

— Может быть, — наконец сказал Пятый принц. — А может ты берешь на себя слишком много.

— Не желаю ничего слышать от человека, который просто стоял и смотрел.

— Не я начал этот разговор, — пожал плечами Фу Ичжэнь, ничуть не задетый чужой грубостью и ухмыльнулся. — И не я без остановки болтаю, пытаюсь убедить себя в своей невиновности.

Ли Инчунь нахмурился, но не стал возражать. Он был упрямым, высокомерным и гордым — а также достаточно умным, чтобы согласиться. Его давно уже тревожила доверчивость молодого господина Фэна, и вчера показалось, что проучить его подобным образом — хорошая идея, но больше господин Ли так не думал. Злость Фэн Жуна, его расстройство и скопившаяся в уголках

глаз обида, юношу тронули сильнее, чем он ожидал.

Маленький театр:

Ли Инчунь: Я ощущаю... что-то странное, будто поступил неправильно, хотя полностью отдаю себе отчет в собственных поступках и их последствиях.

Фу Ичжэнь: Это все Фэн Жун.

Ли Инчунь: Да?

Фу Ичжэнь: Именно. Поэтому я редко его трогаю. Посмеяться над ним легко, но после возникает мерзотное чувство, будто ты пнул котенка...

Ли Инчунь: ...

Ли Инчунь: Ты же помнишь, что он человек?..

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1728259>